

УДК 321.022

DOI 10.17506/dipi.2019.35.2.4248

ПРОИЗВОДСТВО ПРОШЛОГО: КАРТИНА ИЗМЕНЕНИЙ

Рубцова Валентина Юрьевна,

Институт философии и права,
Уральского отделения Российской академии наук,
аспирант,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: rubcova@udmurt.city

Аннотация

В статье подчеркивается изменчивый характер образов прошлого, которые формируются при помощи определенных методов исторической политики и агентов политики памяти. Выделяются основные ракурсы обращения к прошлому со стороны политических элит и гражданских активистов. Отмечается распространенность взгляда на допустимость применения манипулятивных технологий при реализации политики памяти. Рассматриваются особенности плюралистического режима политики памяти.

Ключевые слова:

политика памяти, историческая политика, прошлое, история, память, идеология.

Прошлое – это всегда изменение, произошедшее в прошлом, будь то смена формы правления или введение новой реформы. При этом прошлое каждый раз производится и воспроизводится в настоящем [2]. Среди событий, которые стали историей, некоторые оказываются более значимыми, чем другие. Так, например, появляются новые государственные праздники и исчезают прежние, развиваются недавно возникшие практики коммеморации и свертываются прежние. В 1994 году в России появился день Конституции, который был объявлен нерабочим праздничным днем. Спустя 10 лет он лишился статуса нерабочего дня, оставшись, правда, в списке памятных дат России. Несколькими годами позже сложилась с Днем российского флага. Изначально его празднование не предполагало официальных и масштабных торжеств. Но в августе 2019 года во всех субъектах РФ развернулось соревнование, кто наиболее массово и креативно отметит данный праздник. Эти примеры иллюстрируют, как изменчивое настоящее

влияет на появление новых смыслов у прошлого. Как правило, основным актором, контролирующим изменения воззрений на прошлое, выступает государство.

Однако такие изменения происходят не обязательно по решению государства. Существуют примеры инициативы «снизу», связанные, к примеру, с интересом к истории «жертв». С конца 1970-х годов исторические сообщества стран Европы начали обнародовать исторические места нацистского прошлого в Германии. В рамках экскурсий, выставок и рабочих лагерей, а также с помощью размещения табличек или возведения мемориалов молодые активисты просвещали себя и публику о местных событиях между 1933 и 1945 годами. Утверждая, что «задача радикального преодоления фашизма еще не выполнена», они осуждали «забытые концентрационные лагеря», распространенные по всему ландшафту ФРГ. По словам одного из современных активистов: «Мало того, что места бывших концентрационных лагерей, а также здания, в стенах которых невинные люди эксплуатировались, угнетались и были убиты, стали использовать в новых целях как любые произвольные конструкции; вершиной всего этого явилось то, что один из деятелей был достаточно бестактным, чтобы расположить в этих местах тюрьмы, военные учреждения или казармы омоновцев. Учения по применению слезоточивого газа в Нойенгамме и эксперименты со слезоточивым газом в Дахау показывают полную несостоятельность предполагаемых попыток освоения прошлого» [17, с. 261]. Данный пример показывает, насколько парадоксально формируется поле политики памяти, и как происходит конфликт между агентами в этом поле.

Помимо интереса к истории «жертв» существует интерес к истории героев. Если мы считаем, что определенное действие в прошлом следует признать героическим, мы выстроим наше понимание героизма со ссылкой на это действие. Например, если мы признаем героем Ирину Сендлер, спасшую еврейских детей от Холокоста во время Второй мировой войны, то это значит, что мы под героизмом понимаем бескорыстную защиту невинных людей от насилия. В том случае, когда мы признаем террориста-смертника героем, мы, следовательно, определяем героизм как убийство врагов и самопожертвование в борьбе со злом [16, с. 4]. Определение героизма при этом может формироваться в настоящем, после того, как события, выступающие в качестве примера, уже произошли.

Производство прошлого представляет собой процесс конструирования коллективной памяти в соответствии с определенными идеологическими установками государства. Согласно А. Ассман, данный процесс может быть описан следующей последовательностью: сбор представлений о прошлом, их интерпретация, воспроизводство представлений о прошлом [1, с. 22]. При этом далеко не все представления о прошлом воспроизводятся, к тому же представления на этапе «сбора» могут не совпадать с представлениями на этапе «воспроизводства». В итоге прошлое вписывается в идеологический контекст настоящего и ожидаемого будущего, оно актуализировано настоящим, выступает тем, каким его хотят видеть сегодня. Но и настоящее оказывается опрокинутым в прошлое, поскольку его проблемы пытаются разрешить посредством извлечения из прошлого неких уроков, а также прогнозов на будущее. Память о прошлом в значительной степени носит конвенциональный и избирательный характер. Её документальную базу (в том числе фото- и видеосвидетельства) формируют,

тематически структурируют и идеологически обрабатывают государственные и общественные институты, специально предназначенные для создания политически востребованных образов прошлого. Инструментальное отношение к прошлому открывает путь для применения манипулятивных технологий.

Политическое манипулирование прошлым связано с определенным идеологическим и информационным обеспечением. По мнению А. И. Миллера, в странах Восточной Европы сложились одинаковые черты и предпосылки данного процесса. История и память рассматриваются политическими элитами этих стран как арена борьбы с внешним и внутренним врагом. Наряду с этим бездоказательно декларируется всеобщность (тотальность), а также неизбежность применения технологий манипулирования, считается, что сам факт такой неизбежности выдает индульгенцию на манипуляции в сфере обращения к прошлому [8]. При этом арена политической борьбы проецируется на область профессиональной деятельности коллективов историков, разделяя их на конфликтующие стороны. В итоге проблема интерпретации прошлого как предмет научной дискуссии подменяется вопросом об идеологической ориентации и политических воззрений дискуссионщиков, вследствие чего происходит не научная полемика по поводу взглядов на историю, а столкновение политических позиций историков.

Обратимся далее к методам исторической политики, с помощью которых прошлое подвергается идейно-политической обработке. А. И. Миллер выделяет пять групп методов, которые входят в арсенал способов манипулирования исторической памятью: создание социальных институтов для обеспечения популяризации определенной трактовки прошлого, выгодной той или иной социальной группе, обладающей властью; политическое вмешательство в деятельность средств массовой информации; манипуляция архивами; разработка и использование новых мер контроля за деятельностью историков; политическое вмешательство в содержание учебников и программ преподавания [8, с. 17–19].

Следует различать политику памяти и историческую политику. Это разделение повторяет разделение память/история, сделанное М. Хальбваксом [14] и П. Нора [10]. В первом случае в качестве предмета политики рассматривается прошлое, во втором случае – история как область исследования. Прошлое отличается от истории тем, что оно состоит из событий, а история опирается на анализ и критический дискурс. Соответственно в первом случае происходит политическая актуализация прошлого, во втором – мы имеем дело с историзацией политики. Политическая актуализация прошлого реализуется через практики политического использования прошлого.

Несмотря на онтологическую близость таких феноменов, как история и коллективная память, между ними есть важные отличия. Так, М. Хальбвакс отмечает, что история – это картина изменений, а коллективная память – картина сходств [15]. Это связано с тем, что история и коллективная память обращают внимание на разные свойства одного объекта, поскольку цель коллективной памяти – сохранение идентичности, а цель истории – фиксирование изменений. Под идентичностью понимается чувство принадлежности к мы-группе, благодаря которому происходит отождествление с ценностями и нормами этой группы [3]. Подобным образом индивидуальная память обеспечивает идентичность личности. Рассмотрение коллективной памяти как картины сходств

еще раз подтверждает критерии исторического ориентира, выбираемого для формирования политики памяти.

Существуют также различия между понятиями «история» и «коллективная память». В этом плане сошлемся на трактовку данных понятий О.Ю. Малиновой. Она выделяет две формы присутствия прошлого в настоящем: историю, которая представляет собой критическую реконструкцию прошлого, являющуюся результатом профессиональных исследований историков, и коллективную память – разделяемые представления индивидов о прошлом. Именно на коллективной памяти строится социальная идентичность [6, с. 368].

Политика памяти постоянно откликается на трансформации политической реальности [4; 5]. Государство поддерживает определенные интерпретации прошлого, отвечающие интересам правящей элиты. Однако даже таким образом проводимая политика памяти создает окна дискурса – возможностей иных интерпретаций прошлого. Это означает, что в условиях появления альтернативных дискурсов политики памяти складывается относительно подвижная система интерпретаций прошлого, подверженная инверсиям, т.е. сменам доминирующего дискурса. Такой режим политики памяти можно назвать плюралистическим. Он предполагает рассмотрение в качестве агентов или мнемонических акторов политики памяти [7, с. 13] не только выразителей и трансляторов официальной точки зрения относительно прошлого, но и других общественно-политических сил, формирующих образы прошлого с иных идеологических позиций. Одним из таких примеров может служить сложившаяся в идеологических кругах современной России противоречивая ситуация, связанная с неоднозначной трактовкой Октябрьской революции 1917 г. и с разночтениями относительно выбора практик коммеморации её 100-летнего юбилея. В итоге в 2017 г. параллельно происходила репрезентация двух дискурсивных стратегий политики памяти – стратегия «тихого» юбилея вкупе с примиренческой установкой и стратегия стереоскопического взгляда на значения и смыслы Октября [12]. Отмеченный пример еще раз свидетельствует о подвижности и изменчивости политических практик работы с памятью о прошлом. Коллективная историческая память – это не сумма застывших представлений о прошлом, а подвергающаяся постоянному форматированию картина прошлого, которая делает выпуклыми то одни исторические события и фигуры, то другие.

Важно также отметить, что обращение к прошлому в интересах политического настоящего осуществляется не только специально предназначенными для этого институтами и коллективами, но также (и даже прежде всего) самими лидерами государств, когда их позиция фиксируется в официальных документах и публичных выступлениях. Как главные агенты публичной политики они, апеллируя к прошлому, определенным образом формируют массовое историческое сознание. Дискурс-анализ такого рода источников позволяет выявить следующие основные ракурсы рассмотрения прошлого ведущими политиками: прошлое как пример, которому нужно следовать; прошлое как фон, оттеняющий достижения настоящего; преемственность прошлого и настоящего [6, с. 368].

В рассмотренных нами способах производства и репрезентации прошлого прошлое предстает как картина изменений. Если конструирование прошлого происходит с позиции проблем и вопросов настоящего времени, то изменения

осуществляются в сфере уже написанной истории. Конструирование прошлого выполняется как государственными институтами и их агентами в различных социальных кругах, так и гражданскими активистами. В первом случае оно связано с формированием доминирующей идеологической стратегии, во втором – с интересом к альтернативным моделям и смысловым образам прошлого.

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / Алейда Ассман; пер. с нем. Бориса Хлебникова – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
2. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память / А. Бергсон; пер. с фр. – Минск: Харвест, 1999. – 1407 с.
3. Бурдьё Пьер. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с. – (Серия «Gallicinium»).
4. Горин Д.Г. Политика памяти в условиях социально-политической трансформации: особенности России. Среднерусский вестник общественных наук. Политология: актуальные аспекты. 2012. № 2. С. 98–104.
5. Кирчанов М.В. Приручение прошлого: историческая политика и политика памяти (европейский историографический опыт и латиноамериканские контексты). Политические изменения в латинской америке. Научный журнал. – 2016 / 3 (21). – с. 73–86.
6. Малинова О.Ю. Использование прошлого в российской официальной исторической политике (на примере анализа ежегодных президентских посланий) Историческая политика в XXI веке: Сборник статей. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 648 с. – с. 368–389.
7. Малинова О.Ю. Коммеморация столетия революции (й) 1917 года в РФ: анализ стратегий ключевых мнемонических акторов. Полис. Политические исследования. 2018. № 1. С. 9–25.
8. Миллер А. Историческая политика в восточной Европе начала XXI в. Историческая политика в XXI веке: Сборник статей. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 648 с. – с. 7–32.
9. Миллер А. Историческая политика в России: новый поворот? Историческая политика в XXI веке: Сборник статей. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 648 с. – с. 328–367.
10. Миллер А. Роль экспертных сообществ в политике памяти. Политика. – № 4 (71), 2013. – с. 114–126.
11. Нора П. Всемирное торжество памяти. Неприкосновенный запас, 2005. № 2–3. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html>.
12. Русакова О.Ф., Кочнева Е.Д. Оценки Октябрьской революции в официальном дискурсе политики памяти. Научный журнал «Дискурс-Пи». 2017. № 3–4 (28–29). С. 17–30.
13. Сыров В.Н., Головашина О.В., Линченко А.А. Политика памяти в свете теоретико-методологической рефлексии: опыт зарубежных исследований. Вестник Томского государственного университета. 2016. № 407. С. 135–143.
14. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкос-

новенный запас. 2005. № 2/3. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html>.

15. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступительная статья С. Н. Зенкина – М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

16. Patryk Wawrzyński. The Past, Polish Politics of Memory, and Stereotyping: an intercultural perspective, p. 1–23.

17. Cornelia Siebeck. From Counter-Hegemonic Projects to State-Sponsored Institutions: Memorial Sites to the Nazi Crimes and The Politics of Memory in the Federal Republic of Germany. The journal of social policy studies. p. 261–272.

References:

1. Assman A. Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika / Alejda Assman; per. s nem. Borisa Xlebnikova – М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. – 328 s.

2. Bergson A. Tvorcheskaya e'voljuciya. Materiya i pamyat' / A. Bergson; per. s fr. – Minsk: Xarvest, 1999. – 1407 s.

3. Burd'e P'er. Sociologiya social'nogo prostranstva / Per. s franc.; otv. red. perevoda N. A. Shmatko. – М.: Institut e'kspperimental'noj sociologii; SPb.: Aletejya, 2007. – 288 s. – (Seriya «Gallicinium»).

4. Gorin D. G. Politika pamyati v usloviyax social'no-politicheskoy transformacii: osobennosti Rossii. Srednerusskij vestnik obshhestvennyx nauk. Politologiya: aktual'nye aspekty. 2012. № 2. S. 98–104.

5. Kirchanov M. V. Priruchenie proshlogo: istoricheskaya politika i politika pamyati (evropejskij istoriograficheskij opyt i latinoamerikanskije konteksty). Politicheskie izmeneniya v latinskoj amerike. Nauchnyj zhurnal. – 2016 / 3 (21). – s. 73–86.

6. Malinova O. Yu. Ispol'zovanie proshlogo v rossijskoj oficial'noj istoricheskoy politike (na primere analiza ezhegodnyx prezidentskix poslanij) Istoricheskaya politika v XXI veke: Sbornik statej. – М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. – 648 s. – s. 368–389.

7. Malinova O. Yu. Kommemoraciya stoletiya revolyucii (j) 1917 goda v RF: analiz strategij klyuchevyx mnemonicheskix aktorov. Polis. Politicheskie issledovaniya. 2018. № 1. S. 9–25.

8. Miller A. Istoricheskaya politika v vostochnoj Evrope nachala XXI v. Istoricheskaya politika v XXI veke: Sbornik statej. – М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. – 648 s. – s. 7–32.

9. Miller A. Istoricheskaya politika v Rossii: novyj povorot? Istoricheskaya politika v XXI veke: Sbornik statej. – М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. – 648 s. – s. 328–367.

10. Miller A. Rol' e'kspertnyx soobshhestv v politike pamyati. Politija. – № 4 (71), 2013. – s. 114–126.

11. Nora P. Vsemirnoe torzhestvo pamyati. Neprikosvennyj zapas, 2005. № 2–3. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html>.

12. Rusakova O. F., Kochneva E. D. Ocenki Oktyabr'skoj revolyucii v oficial'nom diskurse politiki pamyati. Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2017.

№ 3–4 (28–29). S. 17–30.

13. Syrov V.N., Golovashina O.V., Linchenko A.A. Politika pamyati v svete teoretiko-metodologicheskoy refleksii: opyt zarubezhnyx issledovaniy. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 407. S. 135–143.

14. Xal'bvaks M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' // Neprikosnovennyj zapas. 2005. № 2/3. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html>.

15. Xal'bvaks M. Social'nye ramki pamyati / Per. s fr. i vstupitel'naya stat'ya S.N. Zenkina – M.: Novoe izdatel'stvo, 2007. 348 s.

16. Patryk Wawrzyński. The Past, Polish Politics of Memory, and Stereotyping: an intercultural perspective, p. 1–23.

17. Cornelia Siebeck. From Counter-Hegemonic Projects to State-Sponsored Institutions: Memorial Sites to the Nazi Crimes and The Politics of Memory in the Federal Republic of Germany. The journal of social policy studies. p. 261–272.

UDC 321.022

DOI 10.17506/dipi.2019.35.2.4248

PRODUCTION OF THE PAST: A PICTURE OF CHANGES

Rubtsova Valentina Yurievna,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Postgraduate,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: rubcova@udmurt.city

Annotation

The article emphasizes the changeable nature of the images of the past, which are formed with the help of certain methods of historical policy and agents of memory policy. The main perspectives of the treatment of the past by political elites and civil activists are highlighted. There is a widespread view on the admissibility of the use of manipulative technologies in the implementation of memory policy. Discusses the features of the pluralist regime of the politics of memory.

Keywords:

politics of memory, historical politics, past, history, memory, ideology.
